

18+

Лука Люблин

Всякая Всячина

I

Лука Люблин
Всякая Всячина I

«Автор»

2020

Люблин Л.

Всякая Всячина I / Л. Люблин — «Автор», 2020

Эта книга представляет из себя сборник небольших рассказов на разные темы.

© Люблин Л., 2020

© Автор, 2020

«Он блудил и читал газеты»

– Бедный Гриша, знал бы ты как быстро проходит мимо тебя жизнь! – говорил статный мужчина, но при этом манеры совершенно не блистали снобизмом, как это могло бы быть. – Друг мой, ты же знаешь, что я решу эту проблему вмиг.

Он закурил сигару и сел на стул за кухонный стол. Собеседник, который не выделялся живостью в разговоре, сидел на диванчике, устало запрокинув голову на спинку, и не был прочь не поддерживать этот плывучий монолог своего товарища. Разница в годах между ними была значительной, но этот фактор никак им не мешал, а может даже наоборот сближал.

– Говорю тебе, зря убиваешься. – сказал мужчина, выпустив дымку табака в воздух и положив элегантно ногу на ногу. – Так не далеко и до протрации.

– До чего? – издал голос собеседник, не открывая глаз.

– Ха-ха! – усмехнулся он тихо и коротко. – Протрация, если простыми словами – состояние полного пофигизма.

– Угу... —ограничился он этим и продолжал сидеть в том же положении.

Комната наполнялась запахом затхлого, крепкого табака, дым которого витал под потолком. Грише совсем не мешал этот запах и давно уже привык к нему, однако настроение его однозначно, в тот момент, не было на высоте счастья. Его дорогой товарищ это видел и всеми усилиями старался вытащить Гришу из этого состояния, в которое он впадал, скорее всего, нечасто, но при этом, если это происходило, то продолжалось вполне себе долгое время.

Мужчина, оскалив зубы и держа сигару в них, достал пенсне и защелкнул им нос. Гриша приоткрыл глаза и, когда заметил вид своего товарища, издал тихонький, протяжный, но при этом слышный смешок.

– Что такое? – спросил он у него с кривой улыбкой. – Рад встретить твое радостное личико.

– Что ты надел на нос? – спрашивал Гриша, устало щурясь и держа эту расслабленную, беспечную ухмылку.

– Пенсне, друг мой, пенсне называется. – он выпустил изо рта клубок дыма, вытянув свою шею, под растянутой кожей которой выпирала точка кадыка. – Зрение, к сожалению, уже начинает меня подводить. Что ж поделать...

Гриша смотрел на него некоторое время молча и затем еще громче засмеялся, чего он скрывать уже никак не мог.

– Старичок, вижу старость не радость. Ха-ха! – залился он смехом, выпрямив свое тело и направив взгляд на собеседника. – Удивительно как ты всегда ставишь себя в самые удобные для тебя положения! Ха-ха! Вчера у тебя вся жизнь была впереди, а сегодня ты резко постарел. Такими темпами, боюсь, завтра ты вообще будешь при смерти, ха-ха!

Мужчина улыбался и дружески начал оправдываться, прекрасно понимая, что таким образом можно хорошо привести Гришу обратно в чувства:

– Слушай, я же-то не вру. Я старше тебя на два десятка, разве нет? А то, что у меня вся жизнь впереди – так это правда. Я, слава богу, не ты, ха-ха, и не буду убиваться ради глупостей.

Гриша поднял свое тело и подошел к раковине, чтобы налить холодной воды себе в стеклянную кружку, из которой он пьет любую жидкость, даже порой в тяжелые периоды, алкоголь.

На окнах висели белые, уже изрядно испачканные белые шторы, со множеством пятен в разных частях ткани. Бледный луч солнца, уходящего в закат, с трудом обошел преграду, найдя выход сбоку, где была щель, направленная на переднюю часть плиты, где располагались четыре черных кружка, регулирующих огонь. Статный мужчина смотрел на множество белесых пылинок, порхающих в конкретном диапазоне света, и прикладывал иногда к губам сигару. Гриша, положив одну руку на подоконник, а другой держа кружку воды и не сводя взгляда с грустного, но при этом успокаивающего пейзажа, спросил:

– Ты правда думаешь, что дело только в этом?

Мужчина тоже никак не проявил внимания и ответил как бы в воздух, не повернув к Грише взгляда:

– А я не прав?

Они замолкли. Гриша, щурясь, рассматривал верхушки деревьев, которые на угасающем свете приобрели очень нежный оттенок. Затем, он опустил свой взгляд в самый низ и увидел молодого человека, просто сидящего на скамейке. Пока он показался ему уж больно подозрительным и хотел было позвать своего товарища, но вдруг вспомнил, что знает этого человека, при том не виделся он с ним уже как года четыре. Гриша, прежде тем подумать, сразу позвал своего собеседника:

– Смотри! – кивнул он в направлении молодого человека. – Знаком?

– Нет. – ответил он равнодушно глядя вниз.

– Знаешь... – сказал Гриша и отвернулся от окна. – Пойдем прогуляемся. Ты был прав, нужно развеяться.

Они вышли на улицу. Гриша подсел к человеку на скамейке и пообщался немного, стараясь помочь ему вспомнить себя. Спустя полчаса они втроем шли по уже темной улице, освещенной в некоторых частях фонарями. Вечер, а затем и целую ночь они провели в баре. На следующее утро, Гриша лежал на диване и сонно поднял свою тяжелую голову, со следами покрыва дивана на левой щеке. Веки с трудом держались открытыми, краешки рта были шершавы из-за засохшей за ночь слюны. Он взял в руки пульт, попробовал включить, но ничего не получилось. Несколько раз ударив его по мягкому покрытию, он опять нажал на красный кружочек, но телевизор все никак не хотел включаться.

– Да и черт с ним! – пробурчал Гриша и откинул в сторону пульт.

До его слуха донеслись звуки царапающейся друг об друга посуды из кухни. Он медленно привстал, сделал первые шаги, раскачиваясь в разные стороны, но затем понял правильный способ и нормально дошел до кухни, без каких-либо инцидентов.

Его товарищ сидел опять с сигарой в зубах, положив ногу на ногу. На кухонном столе лежала газета. Гриша постоял некоторое время в тишине и просто смотрел на его профиль. Только после того как их взгляды столкнулись, Гриша сказал низким, мертвенно-спокойным голосом:

– Ну, как ты и хотел, так ведь?

Мужчина просто улыбнулся и выпустил изо рта клубок дыма.

Потерянный человек

* Ну, что я могу сказать... Интересно было последить за собой в последние недели. Скорее даже грустно, ха! Все же хорошо, что я решил приступить к написанию своих собственных мыслей насчет моего состояния да и в общем обо всем, что произошло со мной за последнее время. Без понятия к чему это приведет (почему-то есть некое ощущение внутри, что к чему-то плохому), но хотя бы это будет моим своеобразным завещанием, в котором ничего не будет о физических ценностях. На сколько меня хватит? – вот этим вопросом я и задаюсь в данный момент. Хотелось бы надолго, но этого никто не может знать, даже сам я. Очень расплывчато, понимаю, стоит, наверное, к сути перейти уже завтра.

* Прошло три дня. Это было ожидаемо, но да ладно. Стоит уже начать, пока есть желание. Хотя, тоже странно к чему я это все делаю? Для кого?.. Извините, эти очередные вопросы отдаляющие повествование стоило сюда добавить – Мне хочется сделать эти записки максимально живыми и текучими, поэтому буду стараться запечатлеть на странице все свои чувства, будь они и не совсем к месту. Так вот...

Уже прошел месяц как я закончил свою школу и получил аттестат. Оказывается, депрессия правда существует. До того момента мне казалось, что все это по большей части надуманно и преувеличенно. Я сам, как выяснилось, пребываю в таком состоянии чуть ли уже не два года. Почему два? Это мое предположение, которое скорее всего является правдой; ни к

какому терапевту я не ходил. В общем, началось это после окончательного осознания того, что во мне нуждается исключительно моя близкая семья – которая, к сожалению, меня никак не понимает – и все. Так таковых друзей у меня не было и до сих пор нет, скорее я бы назвал их знакомыми, среди которых кто-то мне ближе и наоборот – но по-настоящему назвать кого-то другом я никак не могу. Однако, я не исключаю и того факта, что на самом деле понятия дружбы у меня сформировано неправильно, из-за чего я делаю такие выводы. Сколько бы я над этим не думал, но к другому мнению прийти самостоятельно так и не смог... Жаль.

В общем, помню был один мой товарищ (на тот момент я считал его прямо настоящим другом), с которым я до сих пор знаком и не держу на него зла – это стоит уточнить. Я его всегда звал на разные прогулки и искренне хотел с ним провести время. Мне всегда было хорошо, но после нескольких таких выходов у меня начало красться сомнение, что ему не так весело. Почему? В основном, звал его только я и не помню ни одного раза, когда он проявил инициативу, кроме, пожалуй, одного исключения, которого я не помню, но скорее всего оно было. И вот так, со временем, сидя у себя в комнате и обдумывая все это, я забился в себя. Родители не обратили на это внимания и поддерживали темп жизни, не прерываясь на мои проблемы, хотя стоило бы.

Я то сидел, то лежал, то ходил и происходили эти действия исключительно в квартире – за ее пределы выходить не было никакого желания. Сейчас, вспоминая весь этот маленький период моей сильной психологической утомленности и обеспокоенности, я начинаю ощущать безумно неприятные ощущения в груди. Наверное, это характерно для большой ностальгии.

Товарищ мне не писал да и не хотелось уже, так как состояние мое достигло того пика грусти, которая переросла в беспричинную ненависть, при том направлена она была ко всем, включая меня самого. Ночные слезы в подушку перемешивались с жестокой борьбой против этой слабости, путем проявления максимальной ненависти – в первую очередь на самого себя. Меня бесил тот факт, что подсознательно мне хочется быть жалким и почувствовать какую-то внешнюю поддержку от других – это меня вымораживало. Были из-за этого и истерики, но происходили они, конечно, только, когда дом был пуст. Ужасно воспроизводить это сейчас опять, смотря со стороны на некую замыленную сцену моих психозов в прошлом.

* Настал следующий день. Вчера меня резко прервала мать и я даже не успел нормально закончить. Вот...

Тот небольшой период был ужасен. Злость из меня никак не выходила, а вспылнуть на кого-то, чтобы выпустить это все из себя никак не получалось. Приходилось бороться с самим собой внутри, что тяжело и изнурительно. Но, со временем, посмотрев огромное количество бессмысленной информации в интернете и разные фильмы, я пришел к весьма правильному выводу: «Да, быть может я никому и вправду не нужен, но зато у меня всегда есть я, что уже неплохо; а с самим собой мне хорошо. И люди ни в чем не виноваты – это их дело выбирать с кем стоит проводить время, а с кем нет». Пришел я к этому, как можно понять, не сразу, но и это весьма похвально.

Теперь же, состояние мое не такое удручающее, но однозначно не веселое. К сожалению, сейчас происходит этот переход во взрослую жизнь, о которой так мечтают и мечтали мои сверстники, но точно не я. Что меня вообще ожидает? Как я буду дальше жить? Уже устал я задаваться этими бесконечными вопросами, которые так и наплывают из неоткуда в мою голову.

Школу я-то закончил, но что будем делать с высшим образованием? Никакое из направлений мне неинтересно, кроме, пожалуй, одного, но оно мне не даст никаких финансов. Конечно, я прекрасно понимаю, что выбирать нужно исключительно сердцем и прийти к тому решению, которое будет для меня самым оптимальным. Но, несмотря на все мои умственные процессы, усердно протекающие уже больше двух, трех месяцев, я ни к чему не смог прийти.

Родители каждый раз задают вопросы, на которые я не могу ответить и не хочу; приходится всегда как-то аккуратно уходить от этих неприятных и назойливых разговоров.

Ну это конец, вот и все, что я еще могу сказать?!

* Сегодня в очередной раз ко мне подошел отец и начал интересоваться моими планами на будущее, которых, как вы поняли, у меня не было. Как же это тяжело, просто фантастика! Я и так не особо откровенничал с ними, а теперь так вообще закрылся от них. Наверное, это неправильно и их стоит понять, но тратить на это время и свои нервы я не горю желанием. Слишком сейчас мне тяжело...

Стоило бы прогуляться немного на свежем воздухе, но боязнь встретить знакомых сразу отторгает от меня эту весьма благоразумную идею. Очень уж стал я асоциален за последнее время, при том я и до этого не был особо разговорчивым, болтливым человеком. Но интересно, хочется ли мне вообще иметь много друзей и проводить с ними как можно больше времени? Пожалуй, как бы не выглядел я жалко, но хочется, хотя желанием этим я не одержим. Хорошо сидеть в интернете и просматривать разную интересующую меня информацию, которой такой в свободной сети предостаточно. Но все дни так сидеть тоже не вариант, поэтому приходится искать чего-то новое, однако эти старания никогда не увенчиваются успехом, из-за чего впоследствии я впадаю в эту крошечную тьму, из которой выход найти очень долго и тяжело.

Правда очень грустно... Порой – даже часто – ненароком возникают мысли о самоубийстве. Пока что решится на такое я не осмелился, но если ситуация в ближайшее время не изменится, стоит ожидать чего угодно. Хотя... Разве хватит у меня смелости сделать этот роковой и важный шаг? Не думаю... Мне кажется я идеально подхожу под определение слова – ничтожество.

* Не знал, что можно не спать на протяжении двух дней и при этом оставаться в достаточно бодром состоянии. Было ожидаемо, да и думал я об этом слишком уж часто... – здесь я говорю про наркотические вещества. Как только появилась возможность я не упустил шанса и приобрел несколько штук. Зависим я не стал, во всяком случае мне так кажется, пока; но все может быть. Страхом ничего меня не пугает – но вот этого-то я и побаиваюсь. Во мне совершенно не присутствует того ощущения падения куда-то в бездну, на дно этой жизни; но многих людей это защищает от зависимости.

Сейчас у меня ничего больше не осталось. Я заюзал все, что у меня было (то есть пять таблеток). Ощущения были интересные... Но один раз, где-то глубокой ночью, когда бессоница мною овладевала, я решил взять одну и проглотить, что было моей, пожалуй, большой ошибкой. Действие началось спустя двадцать минут и это было пока безумно приятно, но потом что-то пошло явно не по правильному сценарию: меня охватил пот, я жмурил глаза со всей силы и сжимал усердно челюсть, из-за чего желваки выступили наружу. В темноте пролетало множество разных непонятных силуэтов, которые не давали мне никак покоя. Помню, один раз я все же решил открыть глаза, но после этого сразу пожалел: резкий свет (хотя комната находилась в темноте) ударил мне в лицо, очертания знакомых мне предметов вокруг меня расплывались в разные стороны, затем начала кружиться голова. Я сомкнул веки и не открывал их до самого утра.

Когда я, так и не заснув, встал с кровати – все вернулось на свои места, но некое похмелье присутствовало. Спустия, наверное, только три часа я сел за стол и начал писать.

Пиша сейчас эти строки и переводя взгляд то на потолок, то на лампу, из-за которой перед глазами предстают темно-синие пятна – я все же продолжаю жить тем же самым темпом. Ничего не изменилось, хотя и усилий никаких не прилагал. Тупо... Вот так вот пройдет жизнь впустую, и что? К чему вообще стоит продолжать то, что сейчас происходит? Да, все же очень легко потерять смысл жизни и для этого не нужно обладать большим умом или же наоборот. На данный момент, хоть и я часто об этом задумываюсь, но жить мне хочется. Мне не хватает рядом понимающего человека, который хоть как-то смог бы меня поддержать. Судьба,

пренасыщенная жестокостью, не даст мне никогда шанса встретить такую личность или хотя бы намек на правильность моих действий и мыслей. Наверняка же есть люди с прирожденной удачей и им невозможно не завидовать. Не могу даже себе представить какого это быть таким счастливым...

* Прошла неделя. Лучше не стало. Было это ожидаемо? Да. Успокаивает ли это меня? Нет.

Родители уехали в деревню на выходные. Дома один, делать, как всегда, нечего... Решил вот сейчас сесть и немножко пописать своих мыслей, хоть и смысла большого в этом нет – даже для меня самого, потому что таким образом я никак не снимаю с себя лишнего бремени (как я мог бы предполагать до этого). Зачем мне тогда вообще этим заниматься?.. Ну, на всякий случай. Вдруг, спустя года, у меня будет протекать нормальная, счастливая жизнь – что меня сейчас смешит – и, перечитывая эти строки в будущем, я буду смотреть на этот пережитый период с ностальгической улыбкой. Звучит, конечно, замечательно, но, пожалуй, одновременно с этим и утопично.

Вообще ничего не хочется делать. Такое происходит часто, но чтоб так провести целый день – это уже что-то новенькое. Раньше хоть в интернете сидел... Но как эксперимент тоже интересно посмотреть на себя за ничегонеделанием весь день. Хах!

Грустно, на самом деле. Потерянный я, человек, потерянный.

Странствующий

Стоял летний жаркий вечер. На углу небольшой улицы, где располагался вход в местный цирк – стоял молодой человек, лет шестнадцати на вид. Телосложение его было слишком худощавым; кости локтя отчетливо выпирали под кожей; сами руки при ходьбе до конца никогда не разгибались и сильно не раскачивались. Также физиологически хорошо выделялось его сутулость, что сразу бросалось в глаза. Даже начали уже проявляться черты будущего горба на старом, дряхлом теле.

Самого парня его внешний вид не особо беспокоил и было понятно, что никакие укоры от других людей его никак не заденут. Его отношение к жизни определить было бы очень тяжело, не имея близкой с ним связи, что представляло собой невозможную задачу, однако одному человеку все же получилось протиснуться в его маленький – а может и нет – мирок. Для этого он не прикладывал никаких усилий – что стало главной причиной успешности этого предприятия. Но к его нововыявленному товарищу мы вернемся попозже...

Напротив больших ворот в цирк, где проходили представления крайне редко, стоял наш Рудольф (назовем его, пожалуй, так, потому что настоящего имени никто не знал либо просто-напросто не помнил). Трудно было бы определить ради чего он там стоял, потому что несмотря ни на время года, погоду, день недели – выражение его лица было всегда одинаково-безразлично-серым. Вполне возможно он стоял там с какой-то определенной целью – но такой же шанс имел вариант, что Рудольф занимался обычным, привычным уже для себя, бессмысленным времяпрепровождением. Фонарь, нависающий над ним и освещающий его силуэт, помог нам разглядеть его лицо, которое было тем же самым, что неудивительно. Он стоял у колонны, положив руки в карман потрепанных временем джинс, и оглядывался по сторонам – и даже не из любопытства он это делал, а скорее просто так, с абсолютной пустой головой.

Спустя минут десять неизменного положения, начал идти дождь, но Рудольфа это никак не побеспокоило, так как он уже стоял под навесом; скорее наоборот – резкая смена погоды дала ему возможность оглядеть пейзаж заново и получить другие ощущения, чем он и с радостью воспользовался. Взглядом он старательно ухватился за отдельные падающие капельки и прослеживал за ними, вплоть до их уничтожения об землю. Так прошло еще несколько минут. Был ли он в ожидании чего-то?..

Оказалось, что был. Вдалеке он заметил одного мужчину (еще непонятно каких лет), идущего прямо в его сторону, прикрывшись капюшоном. Вместе с мужчиной, приближавшись все ближе к Рудольфу – также усиливался дождь; под конец уже начал идти непроглядный ливень, скрывший от Рудольфа очертания черного человека, но не надолго.

– Здравствуй... – пробурчал мужчина и достал из внутреннего кармана куртки полиэтиленовый пакет зип лок с табаком внутри.

Со стороны сцена выглядела абсолютно очевидна: молодой человек покупает наркотики вечером, в безлюдном месте. Но оказалось это был простой табак. Рудольф начал курить еще с ранних классов и, что самое удивительное, ему достаточно было одного затяга для зависимости; он не был одним из тех курильщиков, которым пока вообще не понравилось, но все же впоследствии они привыкли. Страшно было представить в каком состоянии находились его легкие, куря еще с раннего возраста и при том вполне себе много, однако не всегда. Была бы возможность он курил бы намного больше, но из-за финансового положения приходится всегда либо стрелять сигареты, гуляя по улицам – что он в основном и делал – либо просто воздерживаться, терпеть...

Табак этот он заказал через компьютер, сидя в интернет-кафе. Никакой электроники с доступом к интернету у него дома не было. Передача товара хоть и выглядела странновато, подозрительно, но опасности или риска, конечно же, в себе не таила. Рудольф быстро попрощался и направился к себе домой.

В квартире жили только он и старая мать, которая давно перестала уделять ему должного внимания, хотя иногда в ней неожиданно просыпались чувства заботы и переживания, но быстро угасали – потому что появлялись они в ней первоначально только из-за минутных угрызений совести. Конечно, дело здесь обстояло не без наличия психоактивных веществ в ее жизни – история стандартная, ничем не отличающаяся от остальных подобных случаев. Самое интересное, Рудольф никогда не питал интереса к наркотикам, хотя казалось бы... Район, где он проживает, далеко нельзя назвать благополучным, что ожидаемо – соответственно и окружение не отстает от среды. Знакомые, одноклассники, товарищи часто предлагали абсолютно разного рода вещества, но всегда получали холодный и безразличный отказ. Рудольф, скорее всего, никогда не задумывался об этом и нормально не понимал, что же за собой это все несет – а отказывался он только из-за внутреннего, непоколебимого ощущения того, что все это должно быть ему чуждо.

С мамой разговаривал он редко, но при этом был всегда открыт и ничего от нее не скрывал. Сама мать не очень-то и любила той глубокой материнской любовью своего сына, но все равно была сильно к нему привязана, так как только он и остался в ее жизни из близких людей, которым можно доверять несмотря ни на что.

Мама была уже пенсионеркой, соответственно единственным доходом в семье была ее пенсия, на которую они жили. Конечно этого было недостаточно, но до голода, к счастью, практически не доходило, хотя могло, потому что мать от своего пристрастия к наркотикам никак не старалась избавиться, но благодаря знакомым, которые доставали все бесплатно – не приходилось тратить на эту зависимость деньги. Рудольф видел все пагубное положение мамы, но не уделял должного внимания этой проблеме, что было выгодно им обоим. Нужно тоже сказать, что и у Рудольфа отсутствовала та теплая, нежная любовь к своей матери – пожалуй, благодаря такому отношению друг к другу они были очень близки и семейные скрепы были крепки. Да, ни о какой любви речь идти не могла, но было взаимопонимание невероятного уровня. Довольны ли они были? Да.

Проходя мимо уже закрытых ларьков и местных магазинов, в какой-то момент он остановился посреди улицы, достал из кармана пакетик и рассмотрел его с разных ракурсов, также и под светом от ионовой вывески бара. Что он пытался выискать – непонятно, вполне возможно ничего, потому что на такую „мини-проверку“ у него ушло не более пяти секунд, после чего

он сразу продолжил свой путь тем же равномерным шагом. Взгляд был опущен, сутулость, как всегда, присутствовала... Вокруг не было ни одной души, казалось весь город вымер на ближайшие часы, но Рудольфу было только лучше: страха он не ощущал, а большое количество людей наоборот ставило его в некий дискомфорт. Был только он да царившая темнота.

Дойдя до самого конца улицы и свернув влево, Рудольф повернулся и встал напротив входа в подъезд, куда можно было свободно войти, так как дверь отсутствовала, ну и была не к чему – что можно выкрасть из квартиры, расположенной в таком районе?

Он решил пока покурить, прежде чем подняться к себе домой. Мать знала о сигаретах и Рудольф этого никогда не скрывал, но старался избегать тех ситуаций, когда придется курить перед ней. Достав недавно купленный табак и бумагу, он скрутил одну сигарету, резко провел головкой спички по боковой стороне коробка и подвел огонь к сигарете. Выпустив пару дымков и не докурив, он бросил ее на пол и поднялся по лестнице наверх, к своей квартире. Открыв незапертую на ключ дверь, он вошел в пустую комнату, с оголенными стенами и прилег на изодранный диван. Квартира состояла из этой самой комнаты, которая встречала гостя при входе, и из небольшой кухни, где на тот момент что-то готовила мама. Рудольф лежал и смотрел на потолок, не думая ни о чем. Когда мать вышла из кухни, она не ожидала его увидеть, но никак этого не показала, так как эмоции у нее были уже слишком затуплены.

– Где ты был? – спросила она безразлично, делая это только ради общепринятого приличия.

Рудольф просто пожал плечами и ничего не ответил – он и сам понимал, что ей на самом деле не очень-то интересно. Она присела рядом с ним, опрокинув устало голову назад и положив руку внешней стороной на лоб. Усталость проявлялась на ее лице, но не из-за тяжелого, как это могло показаться сначала дня – здесь это чувство достигло уже глобальных размеров; ощущала она себя усталой всегда, несмотря ни на что... Ее ежедневно, с самого утра, изнуряет судьба, которая никак не хочет оставить ее в покое. Сквозь сомкнувшиеся губы она лепетала одни и те же слова: Господи, Господи, Господи... хотя назвать ее набожной нельзя – она никогда в жизни не молилась и соответственно не знает ни одной молитвы; в церковь ходит изредка – только когда начинают изъедать внутри нее разные чувства, которые проявляются в основном после неприятных, тяжелых ситуаций. В местной церквушке о ней знали все и часто поглядывали на нее недоброжелательным взглядом, что мать Рудольфа естественно замечала, но этот факт только ее раззадорил – она порой специально ходила, чтобы в очередной раз ощутить на себе эти укоряющие лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.